

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ЖЕНСКОЙ СРЕДЕ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60–90-е ГГ. XIX В.)*

Е. Н. МЕНЬШИКОВА

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Menshikova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается один из наиболее значимых аспектов проблемы эволюции женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в 60–90-х гг. XIX века – постепенная трансформация социально-психологических установок в женской среде. Анализ эго-документов – эпистолярных, дневниковых, мемуарных материалов, а также судебной документации, сосредоточенной в государственных архивах Белгородской, Воронежской и Курской областей, позволили выявить особенности изменений картины мира женщины-купчих, вызванные развитием буржуазных отношений в пореформенный период.

Ключевые слова: развитие буржуазных отношений, женщина купеческого сословия, трансформации социальной психологии, картина мира.

Пореформенное развитие буржуазных отношений в Центрально-Чернозёмном регионе, как и во всей России, влекло за собой изменения ментальности всех социальных групп, в том числе представителей купеческого сословия. Согласимся с А.Я. Гуревичем, применяющим понятие «ментальность» ко всему комплексу коллективных представлений, которые, не будучи чётко осознаны и сформулированы, являются достоянием любого члена общества, более того, прочно владеют его сознанием¹. В свою очередь, французский историк А. Бюргьер определяет ментальность как некую совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своём поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нём². А петербургская исследовательница Е.Ю. Боброва дополняет данное определение замечанием о том, что ментальность, будучи системой обыденных представлений, определённой направленностью мыслей, являет собой и манеру чувствовать и думать³. Реконструкция трансформаций картины мира купечества в пореформенное время дает возможность в настоящем исследовании приблизиться к пониманию социального поведения женщины-купчихи в данный исторический период.

Для изучения различных аспектов пореформенной картины мира женщины, принадлежащей к купеческому сословию Курской и Воронежской губерний, следует обратиться к источникам, в которых запечатлелись повседневные высказывания и настроения, например, к эпистолярным, судебным, дневниковым и мемуарным материалам. Поскольку сами действия людей свидетельствуют о привычных для них подходах и оценках, вкусах и стремлениях, почти любой из обозначенных типов источников в какой-то мере может быть использован для исследования социальной психологии.

В 60–90-е гг. XIX столетия изменение картины мира женщины-купчихи Центрального Черноземья происходило в рамках трансформации социально-психологических установок всего купеческого сословия. Иначе и не могло быть, поскольку,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта № 09-01-55101 а/Ц.

¹ Гуревич А.Я. «Феодальное средневековье»: что это такое? // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 277.

² Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 9.

³ Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 233.

по мнению А.Я. Гуревича, «картина мира есть продукт культуры в антропологическом смысле понятия, и всякий, кто принадлежит к данному обществу, не может не разделять этот взгляд на мир»⁴. Особенно заметны сдвиги в картине мира купечества пореформенного периода в сравнении с его мироощущением первой половины века.

В первой половине XIX века купеческое сознание включало в себя, с одной стороны, убеждение в неполноправности и ущербности по сравнению с дворянством, с другой стороны, – имплицитное желание любым способом причислиться к благородному сословию. Так, крупный купец Н. Вишняков, имевший финансовые интересы во многих регионах Центральной и Центрально-Чернозёмной России, замечал: «...отношение купечества к дворянству как к сословию правящему, привилегированному, замкнутому в себе и заинтересованному в преследовании лишь своих узкоклассовых целей, было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательности. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если купец принимал дворян, это значило, что он добивался подряда, ордена или медали, норовил дочь выдать за «благородного»⁵.

В свою очередь, представители дворянского сословия реагировали на купечество высокомерно и пренебрежительно. Такую реакцию «благородного» сословия ярко проиллюстрировал С. Атава: «На купца смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас. Такой же ты мужик, как и все, вот только синий сюртук носишь, да и пообгесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе всё-таки нельзя – в салфетку сморкаешься»⁶. Аналогичным образом дворянство реагировало на поведенческие особенности купечества. Вот пример поведения купца, приглашённого на обед в дворянском доме, и отношения к нему хозяев: «Мальчуганы украдкой взглянули на купца, переглядывались между собой и втихомолку смеялись... Старшая дочь смотрела на него с малоскрываемой гримасой. – Очень нужно, папа, привели такого. Барыня сидела полубоком, будто отворотясь, дети приутихли. Викула Петрович серьёзно, важно и молча дул на блюдечко и держал в другой руке мизинцем за ушко уже пустую чашку. Кончив, он накрыл её, поставил и поклонился, в то же время, доставая платок чтобы обтереться. – Э, ничего, батюшка, мы уж к этому привыкли, ...прощенья просим!»⁷

Представители дворянского сословия однозначно оценивали купца как плута, как человека, говорящего таким языком, «как будто он из другого мира»⁸; отказывали ему в порядочности, в способности честного ведения дел. Ярким примером этого служит следующее описание коротоякского купца Фёдора Петровича Петрова, сделанное воронежским общественным деятелем и генеалогом Л.М. Савёловым (1868–1947): «Кроме землевладельцев-купцов в уезде были богатые купцы, ведшие торговлю в Коротояке это были Фёдор Петрович Петров, имевший прекрасно устроенный маслобойный завод, получавший на различных выставках первые награды (в том числе и на парижской), бакалейную торговлю и прекрасный дом – особняк... Это был самый богатый человек в Коротояке, а может быть, и в целом уезде. О начале его богатства говорили очень нехорошо: в Коротояке было производство фальшивых денег, во главе которого стоял мелкопоместный дворянин Голобов, Петров же занимался их сбытом. Когда это открылось, Голобов, предупреждённый помощником исправника, его родственником, о предстоящем у него обыске (фабрика помещалась у него дома), бежал за границу, Петров остался в стороне»⁹.

⁴ Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 26.

⁵ Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М., 1905. С. 62.

⁶ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 96.

⁷ Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 199–200.

⁸ Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 5.

⁹ Савёлов Л.М. Из воспоминаний. 1892–1903. Воронеж, 1996. С. 52.

Негативная дворянская оценка купеческой нравственности распространялась и на представителей высшего сословия, которые в силу меркантильных интересов с помощью брачного союза соединялись с купечеством. Так, по воспоминаниям упомянутого Л. М. Савёлова, дворянин Павел Алексеевич Ржевский (сын коротоякского дворянина, которому принадлежало имение «Сасовка», между Коротояком и селом Репьевкой, и который долгие годы был уездным предводителем дворянства), женившись на дочери острогожского купца Селезнёва, ...он превратился в такого же торгаша, как и его тесть. ... Селезнёв торговал железным товаром, и Павел Алексеевич долгое время сидел в лавке, продали они какую-то чугунную трубу и погрузили её на железную дорогу, там её в первую же ночь украли, и воры тащили её мимо селезнёвской лавки, сторож признал трубу и отобрал, наложивши вору или вора́м по шее, по распоряжению Петра Алексеевича трубу сдали на железную дорогу, в за якобы пропавшую взыскали с железной дороги деньги¹⁰. Вторая ситуация, характеризовавшая купца Селезнёва, состояла в следующем: «...из Москвы на имя Селезнёва отправлено железного товара 60 пудов, в накладной каким-то образом показано было 600 пудов, ...железная дорога уплатила за недостающие якобы 540 пудов»¹¹. И, наконец, третий случай, описанный в воспоминаниях Савёлова: «...спорят несколько крестьян, к ним подходит Ржевский и спрашивает, в чём дело. Оказывается, что у одного из них есть полуимпериал, и возник спор, что он стоит, возникло даже сомнение, стоит ли он те 5 рублей, которые на нём значатся, тогда Ржевский говорит: «Если хочешь, я дам тебе 5 рублей», и в тот же день хвастается передо мной, что заработал 2 рубля 50 копеек, я говорю, что эти 2 рубля 50 копеек следует пожертвовать в Красный крест, но получил ответ, что они ему самому пригодятся»¹².

Алчность и стремление купечества любыми способами получить прибыль иногда вызывали в определённых кругах провинциального города неадекватное поведение по отношению к купцам. Так, по воспоминаниям Надежды Плевицкой – популярной в начале XX века исполнительницы русских народных песен, уроженки Курской губернии, служившей в 80-е гг. XIX века горничной в особняке курского миллионера купца Николая Васильевича Гладкова, «когда умер старый Гладков, дед Николая Васильевича (курского купца-миллионера), вырыли покойника из могилы и ночью отнесли пышный гроб к воротам. А вырыли за то, что он, ворячая миллионари, был жаден и никому не помогал»¹³.

Едва ли полностью справедливыми можно считать подобные уничижительные «обрисовки типов купеческого звания»¹⁴. Сами представители купеческой корпорации Центрального Черноземья полагали, что дореформенная система ведения торговых дел «покоилась на доверии, которое существовало между купцами, когда большие сделки заключали на слово и в отношениях к поверенным и приказчикам главную роль играло доверие»¹⁵. Вообще в среде купечества «слово купеческое свято было, ...лучше всяких нынешних векселей»¹⁶. Однако стоит заметить, что «купеческая честь, какая передавалась из рода в род в ...купеческой фамилии»¹⁷, ввиду постоянного ощущения купечеством социальной неполноценности по сравнению с дворянством, могла не проявляться при деловых контактах с другими сословиями, особенно с дворянством: «...купцы и мещане в сделках со своими коллегами «без актов верны и честны». Но благородные люди, к которым они питают какую-то враждебную ненависть, и вообще пришельцы без актов не должны полагаться на честность и

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же.

¹² Савёлов Л. М. Из воспоминаний. 1892–1903. Воронеж, 1996. С. 16.

¹³ Плевицкая Н. Возвращение в Россию. Дежкин карагод. М., 1993. С. 92.

¹⁴ Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 96.

¹⁵ Полилов Г. Т. «Наши деды-купцы». Бытовые картины начала XIX столетия. СПб, 1910. С. 2.

¹⁶ Ушаков А. С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 188.

¹⁷ Боборыкин П. Д. Китай-город. М., 1960. С. 57.

верность, – их непременно обманут; они даже хвалятся между собою, что умели проморгать простачка»¹⁸.

И всё же для многих купцов Курской и Воронежской губерний первой половины XIX столетия верна была такая характеристика: «Но доходу в торговле потребней всего была в нём верность своего слова и необыкновенная честность»¹⁹. А главными жизненными и деловыми принципами были следующие постулаты: во-первых, «Живи честно и твёрдо... Чужого не желай, своё береги крепко»²⁰, а во-вторых, «В ...деле нельзя прощать. Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь»²¹.

В женском мире купеческого сословия указанная специфика взаимоотношений между дворянством и купечеством проявилась в стремлении выйти замуж за «благородного» человека. В первой половине XIX века в среде купечества исследуемого региона мотивация вступления в брак была связана в первую очередь с достижением традиционных, прагматических целей – таких, как сохранение и приумножение богатства. Но иногда экономические мотивы отступали на задний план при выборе супруга, когда женщина (а не обязательно её родители) преследовала или просто была влекома соображениями престижа: не забудем, что общественный статус женщины определялся, прежде всего, статусом её мужа. Немалое число личных источников и литературных свидетельств указывают на то, что нередко девушки купеческого звания (а часто и их родители) будущему претенденту на роль своего мужа предъявляли требование принадлежности к высшему сословию. Вот типичные мысли купеческих девушек – героинь художественных произведений 40-х годов XIX века: «Где хочешь возьми, а достань благородного. ...чтобы не курносого, непременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному»²², «Мне ...какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин»²³.

Сами девушки купеческого сословия вменяли в вину мужчинам своего круга отсутствие даже намёка на благородное обхождение, внешнюю манерность. «Ну вот, чтобы и у меня ещё был такой злой муж! Да ни за что не выйду за купца! ... У него борода: станет есть, все потечёт по бороде. Нет, не хочу! А дворянин-то с аполетой пройдёт навстречу, скажет: «Что ты, купчишка, свороти с дороги!» или «Покажи, купчишка, бархату самого лучшего» А купец: «Извольте, батюшка!». «А сними-ка, невежа, шляпу!» вот что скажет дворянин»²⁴ – таков был обычный ответ и аргументация отказа купеческой дочери на предложение выйти замуж за купца.

Таким образом, в первой половине века в среде гильдейского купечества Центрально-Чернозёмного региона, преуспевавшего в практической деятельности и всячески стремившегося приблизить своё общественное положение к тому уровню, на котором находилось «благородное» сословие, брак с представителями дворянства имел престижное значение и рассматривался как своего рода продвижение по социальной лестнице. Но далеко не всегда такое отношение было и со стороны дворян. Дворянство считало купечество «новыми» людьми, лишь вчера объявившимися на общественной арене, малообразованными, лишёнными благородных традиций, и потому к браку с лицами из этого сословия относились отрицательно. Однако при пошатнувшихся делах, особенно если семье угрожало разорение, дворяне шли на компромисс и выдавали своих непристроенных, нередко «пересидевших в девицах» дочерей за купцов или женили сыновей на купеческих дочках²⁵.

¹⁸ Судакова О.Н. Ценностный мир русского купечества нового времени (культурологический анализ). Улан-Удэ, 2001. С. 55.

¹⁹ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 4.

²⁰ Горький М. Фома Гордеев. Горький, 1973. С. 61.

²¹ Чехов А.П. Три года / Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1986. С. 99.

²² Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся. М., 1987. С. 41.

²³ Гоголь Н.В. Женитьба. М., 1988. С. 134.

²⁴ Там же. С. 142-145.

²⁵ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам средней полосы РСФСР). М., 1980. С. 22.

В 50-х гг. XIX века в условиях подготовки либеральных реформ и далее во второй половине столетия, когда дворянское сословие в своём большинстве проявило неспособность перейти к новым методам хозяйствования, купечество, благодаря предпринимательскому традиционализму, формирующемуся и из необходимости накопления капиталов, и из сознательно определённых принципов деятельности, культу духовных ценностей, поддержанию обычаев, а также мощному стремлению к социальной активности, смогло быстро сконцентрировать в своих руках доселе неизвестную экономическую силу. Время «расцвета капитала» в пореформенный период в России было для купеческого сословия с экономической точки зрения наилучшим. Оно получало прибыли от индустриализации, развития средств связи и инвестиций в традиционные для региональной экономики области. Купеческое сознание в пореформенное время включало в себя убеждение в возможности управлять собственной судьбой, глубокое уважение к работе и усердию, специфическую рассудочность, порядок и педантизм в жизни и хозяйстве, некоторые либеральные добродетели вроде терпимости и способности к конфликтам и компромиссам, скептическое отношение к авторитетам, самостоятельности, готовности в критике, независимости суждений, уважения к праву и любовь к свободе; «кроме того, ему было свойственно сильное национальное чувство»²⁶.

В 60–90-х гг. XIX века стиль жизни черноземного купечества отражал поиск возможностей общественного подъёма. Однако в пореформенное время русское купечество всё ещё не имело никакой эквивалентной политической власти. Достижение богатства в пореформенный период не приводило к влиянию во властных сферах, хотя приносило через благотворительность чины, ордена и «сопричисление» к благородному сословию. Другое дело, что символические атрибуты успеха ценились всё меньше и меньше. А в торгово-промышленной среде пробудилось осознание чувства собственного достоинства и гордости своим сословием. По мнению П.А. Бурьшкина, представителя богатейшей московской купеческой фамилии (внука купца – выходца из Щигровского уезда Курской губернии), к началу XX века самоутверждение торгово-промышленного сословия всё больше основывалось на его благотворительности и просветительской деятельности, финансировании культурных проектов, на обучении своих детей в лучших российских и европейских университетах и на владении первоклассными художественными коллекциями и роскошными особняками. На этом фоне мундир «генерала от благотворительности» или приглашение на бал к генерал-губернатору отступали на второй план. Правда, это относилось, в первую очередь, к верхушке купеческого сословия. Таким образом, ещё один (возросший численно и по степени экономической мощи) общественный слой, реализующий свой сценарий жизненного успеха, оказался не связанным существенными жизненными интересами с верхушкой общества²⁷.

Пореформенное капиталистическое развитие Центрального Черноземья оказывало существенное влияние на социальную психологию купеческого сословия. Теперь в пореформенный период купечество всё быстрее осознавало то, что по большому счёту «финансовый капитал наравне с недвижимым капиталом определял социальный статус в обществе представителя любого сословия»²⁸, а отнюдь не социальное происхождение. Происхождение купеческой фамилии могло быть весьма скромным. Например, таким: «Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал ...; добрые люди Самсошкой звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то чуть-чуть не панёвница... А нажили капитал, да и в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит»²⁹.

²⁶ Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 138.

²⁷ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 240.

²⁸ Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Чернозёмного региона России в пореформенный период. М. – Белгород, 2002. С. 136.

²⁹ Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся. М., 1987. С. 63.

Осознание купеческим сословием своих возможностей значительным образом повышало его самооценку. Отражением этого явления стали купеческие дневники и воспоминания, объединенные общим термином – мемуары, «которые и сами по себе представляли антологию становления и развития самосознания личности, превращаясь в факт общественного сознания»³⁰. Вот варианты вербального проявления купеческого самосознания в исследуемый период: «...бывало, как ударит всей пятернёй по столу да вскрикнет: «Плевать я, говорит, на того, который стыдится быть купцом; ...что, говорит, разве купец не служит государю так же, как и всякий другой?»³¹. Или такой принцип: «Всякому своё-с; купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся. ... В нашем купеческом деле – деньги важная вещь. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал ...важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое»³². Главы купеческих фамилий рассуждали так: «Если купец почтенный, так уж он не купец, он некоторым образом есть уже негоциант. Я уж тогда должен себе взять и ложу в театре, и дочь уж я за простого полковника – нет-с, не выдам: я за генерала, иначе я её не выдам что мне полковник? Обед мне должен кондитер поставлять, а не то что кухарка...»³³.

Вместе с укрепшим экономическим могуществом купечества подспудно росло его желание отгородиться от своих менее удачливых коллег. По воспоминаниям упомянутого выше П.А. Бурьшкина, «купеческая аристократия, ...была очень щепетильна в отношении тех лиц, которые принимались или не принимались в её узкий круг. Так, считалось недопустимым принимать на званых вечерах выскочек, то есть быстро разбогатевших на удачных спекуляциях купцов без купеческих родословных или купцов, получивших дворянство. Таких можно было принимать, но отдельно»³⁴.

С другой стороны, повышение купеческого самосознания дало основание для укрепления критического отношения к дворянству. Купечество разделяло такое мнение, что «дворянин – не купец, плохое дело отдать купеческий капитал да в дворянские руки»³⁵. Вообще среди купечества считалось, что одалживать деньги дворянам или вступать с ними в дело нежелательно, поскольку «купец всегда добросовестнее»³⁶. Следует вкладывать свои средства, руководствуясь такой посылкой: «Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, всё на пользу. А вот шелкопёры-то, ...больно нам не по масти»³⁷. А в пореформенный период ко многим дворянам можно было отнести такую фразу: «Того и смотри, попросит денег взаймы, откажешь, наживёшь врага сильного, не откажешь, человек-то он честный, взятки не берёт, но не душа лжёт, а мошна, долгу заплатит не по нечестности, а по обстоятельствам не сможет»³⁸.

В пореформенный период изменилась и поведенческая манера купечества. В ситуации межсословного общения купец всё чаще стал проявлять инициативу, он «перестал являться по вызову к дворянам, а приезжал с визитом сам»³⁹. Теперь «...хотя по-прежнему дальше кабинета его не пускали, он уже сам попросил, чтобы подали ему водочки, и спать к управляющему во флигель не пошёл, а спал в кабинете. Склонился на просьбу и дал ещё денег взаймы, но это был уже не тот ...который потел и утирался. А когда он приехал в следующий раз, его не только пришлось положить спать в кабинете, но надо было позвать обедать в столовую...»⁴⁰. Иногда купечество в исследуемое время выступало и вовсе «спасителем» обанкротившихся дво-

³⁰ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII– первой половины XIX в. М., 2007. С. 3.

³¹ Гоголь Н.В. Женидьба. М., 1988. С. 141.

³² Островский А.Н. Праздничный сон – до обеда. М., 1987. С. 420.

³³ Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1988. С. 333.

³⁴ Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 55.

³⁵ Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 134.

³⁶ Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 98.

³⁷ Островский А.Н. Праздничный сон – до обеда. М., 1987. С. 422.

³⁸ Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 9.

³⁹ Фёдорова И.Р. Психология российского купечества дореволюционного периода. М., 2005. С. 22.

⁴⁰ Там же.

рянских фамилий. Так, например, разорившаяся после эмансипации – освобождения крестьян – семья отставного генерала связала свою семью с богатой купчихой: сам генерал пошёл в надзиратели на её табачную фабрику, а его дочь пошла в чтицы (компаньонки) к купчихе⁴¹.

В свою очередь, представители высшего сословия России – дворяне – также вынуждены были признать возросшую экономическую мощь купечества: «Со времени освобождения крестьян, купечество выпукло выдвинулось вперёд», при этом делая оговорку: «...но это не его заслуга, а времени»⁴². Как писал С. Атава, «купец начинает чувствовать свою возросшую хозяйственную власть и силу. Всем нам в это время дозарезу были нужны деньги, а деньги были у купца. Теперь, когда приезжает купец, необходимо было ему подавать обед, строго-настрога приказав детям не смеяться, если купец начнёт сморкаться в салфетку»⁴³. То есть в восприятии дворянства купечество по-прежнему воспринималось не иначе как с неприязнью и плохо скрываемой завистью. Например, типичным выглядит следующая реплика дворянина: «Каковы купчишки-то? Всю губернию заставили у себя плясать. Отчего же не повеселиться у купчишек? Посмеиваетесь, милые друзья, над купчишками, а всё-таки шампанское их лакаете и объедаетесь зернистой икрой. Съедят эти купчишки и вас, как съели уже дворянство»⁴⁴. О купцах говорили в дворянской среде в 70-е гг. XIX века так: «Купец не любит говорить про свои богатства...»⁴⁵, «...Они делали своё дело, покупали и продавали, садились на ближайший стул от двери, вставали с него каждую минуту, улыбались, потели, утирались, будучи совершенно не в состоянии понять наших суждений о политике и всякой чертовщине, составлявшей предмет наших бесконечных рассуждений»⁴⁶.

В пореформенный период русскому дворянству было свойственно характеризовать купечество, подчёркивая в нем ничем не изменимый особый купеческий дух: «Вот степенная личность, в приличном длинном платье, лицо серьёзное, проникнуто сознанием своего достоинства; всё на нём скромно, гладко, народно, брови выросли на глаза, борода расчёсана, волосы лежат длинными космами, он сидит на скамейке у лавки, он покоен только известное время, но лишь хотя сколько-нибудь запахнет делом, глаза его уже мечут искры, он уже хватается за дело»⁴⁷. Вторая личность: в чёрной суконной шинели, застёгнутой доверху, в чёрной лоснящейся шляпе, личность полная и белая, нагулявшая мяса, на вид тихая и скромная, с опущенными долу глазами, которые мгновенно загораются, как только завидят покупателя, а с ним и наживу. По мнению купцов, купеческая честь в деньгах»⁴⁸.

И всё же дворяне при сохранении глубокого чувства своей сословной исключительности замечали за купеческим сословием привнесённые пореформенным периодом новации в его образе жизни. Вот пример впечатления дворянина от соприкосновения с купеческой средой конца 70-х гг. XIX века (после турецкой войны, начавшейся в 1878 году): «Я был приятно поражён ...их быстрым совершенствованием на пути образования. Как они живут, – чудо! Ничем не хуже нашего брата: дом, меблировка, стол; некоторые даже лучше нас, право, и богаче и привольнее – чисто в русском духе – много лучше. ... За всем следят: мода, литература, все театралы, политико-экономы есть. ... И во всём такой вкус, знание. Да, надо признаться, это сословие со временем и скоро далеко шагнёт»⁴⁹. Более того, дворяне характеризовали купеческое сословие таким образом: «...это люди новые, ни от кого не зависят, кроме се-

⁴¹ Боборыкин П.Д. Китай-город. М., 1960. С. 303.

⁴² Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 36.

⁴³ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 22.

⁴⁴ Боборыкин П.Д. Китай-город. М., 1960. С. 342.

⁴⁵ Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 8.

⁴⁶ Бурьшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 96.

⁴⁷ Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 50.

⁴⁸ Там же. С. 51.

⁴⁹ Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 107.

бя»⁵⁰. И далее добавляли: «Сколько в вас здоровья, свежести... Ведь вы купцы, ещё совершенно не жившее племя, целое племя с оригинальными традициями, с огромной энергией души и тела. Сколько истинно русских народных черт хранит, как святыню, наш купец: добродушие, гостеприимство, смирение, скромность, сострадание, любознательность...»⁵¹.

В женской психологии купеческого сословия преломлением возросшей гордости за своё сословие было то, что купеческие женщины стали иначе относиться к перспективе быть связанной браком с человеком из «благородного» сословия. Поскольку теперь, во второй половине века, особенно в последней его четверти, внешние знаки – маркеры – высшего в России сословия постепенно стали размываться. А купеческий стиль жизни все более становился схожим с дворянским. В такой ситуации купечество рассуждало так: «...у нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного, ...выйдете вы за благородного – да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. ... Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня вы выйдете. То вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с – окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок иди салопов – не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведём орловских. ...мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так подстрижём, по моде-с...»⁵².

Выбор супруга в предпринимательской среде Центрального Черноземья по-прежнему соответствовал экономическим интересам семейного дела. При этом решающую роль могло играть не только умножение собственности, но и установление деловых и политических связей. На брачной политике предпринимателей всё в большей мере сказывались требования капиталистической рациональности⁵³. Поэтому брак с человеком из дворянского сословия уже не воспринимался как некая идеальная социальная модель. Вообще во второй половине века в купеческой среде смешанные браки были единичны. Например, курский купеческий сын Матвей Денисович Чунихин с середины 30-х гг. XIX века был женат на урождённой дворянке Екатерине Кандауровой⁵⁴. Дочери курского 2 гильдии купца и почётного гражданина И.В. Гладкова – Надежда и Раиса – были отданы в конце 40-х гг. XIX века в замужество за дворян – поручика Аркадия Выхотцева и капитана Александра Евграфовича Посельского соответственно⁵⁵.

Межсословные браки (дворянство – купечество) заключались, как правило, между сословиями, более заинтересованными друг в друге с экономической, хозяйственной и другой точки зрения. А в данный исторический период среди купеческого сословия почиталось предосудительным жениться или выходить замуж за дворянина или, ещё хуже, за титулованных особ. Убедительным свидетельством этого является письмо купеческой женщины: «Сестра полтора месяца проплакала, прежде чем ей позволили выйти за её князя. А отчего? Именно оттого, что он князь. Папа – купец, всякий гордится своим, и он не желал, чтобы его дочь вышла за князя»⁵⁶. Незамужние купеческие девушки в этой связи рассуждали так: «Разве ровня он мне. Я дочь 1 гильдии купца и почетного гражданина, а он... – голь перекатная»⁵⁷.

Таким образом, в пореформенный период картина мира представительницы купеческого сословия Центрального Черноземья претерпевала существенные изменения по сравнению с первой половиной столетия. Знаковым проявлением менталь-

⁵⁰ Боборыкин П.Д. Китай-город. М., 1960. С. 419.

⁵¹ Ушаков А.С. Из купеческого быта. Повести и очерки. М., 1862. С. 109.

⁵² Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся. М., 1987. С. 79.

⁵³ Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997. С. 140.

⁵⁴ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 59. Оп. 2. Д. 6260. Л. 5.

⁵⁵ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

⁵⁶ Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 56.

⁵⁷ Наше купечество с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1867. Вып. 3. С. 106.

ной трансформации женщины-купчихи стало осознание себя как представительницы социальной общности, которая отличается реальным влиянием на провинциальное общество, чья жизненная практика по многим аспектам вплотную приблизилась к образу жизни высшего сословия – дворянства.

**TRANSFORMATION OF SOCIAL PSYCHOLOGY OF WOMEN
OF THE MERCHANTS` ESTATE IN THE CENTRAL BLACK SOIL AREA
IN THE POST-REFORM PERIOD (60-90S OF XIX CENT.)**

E. N. MENSHIKOVA

Belgorod State University

e-mail:

Menshikova@bsu.edu.ru

The article deals with one of the most important aspects of evolution of the merchant women`s world in the Central Black Soil Area in 60-90s of XIX century – gradual transformation of socio-political ideas among women. Analysis of ego-documents – letters, diaries and memoirs` materials, as well as court documentation allowed to reveal peculiarities of changes in the world picture of women of the merchants` estate that were caused by development of bourgeoisie relations in the post-reform period.

Key words: development of bourgeoisie relations, women of the merchants` estate, transformation of social psychology, world picture.